

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

№ 33.

21 АВГУСТА 1860 Г.

Цѣна 10 р. с. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 р. с.; иногородные прилагаютъ за пересылку 1 р. 50 к. с.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ О. Стелловскаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ газетныхъ экспедиціяхъ. Въ Москвѣ, въ магазинахъ: музыкальномъ Ленгольда, и въ книжномъ Базунова. Желавшіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ № 1-го со всѣми приложениями.

Къ № 33-му прилагается: „Dernière pensée de Paganini“, соч. Г. Герца.

Содержаніе: Некрологъ. — Письмо въ редакцію. — О нѣкоторыхъ заблужденіяхъ въ преподаваніи пѣнія. — Бомарше и его Свадьба Фигаро. — Объявленіе.

НЕКРОЛОГЪ.

16 августа, въ половинѣ шестаго часа по полудни, скончался, въ Харьковѣ, Александръ Естафьевичъ Мартыновъ. Тѣло его, для погребенія, привезено будетъ въ С. Петербургъ.

Высокое сценическое дарованіе Мартынова ставитъ его въ ряду тѣхъ немногихъ великихъ, геніальныхъ дѣятелей русскаго искусства, которымъ суждено было явиться представителями нашего эстетическаго развитія въ современную эпоху. Не много бываетъ избранниковъ, которые свѣтомъ своего генія озаряютъ и согрѣваютъ жизнь своихъ соотечественниковъ, отдавая часто свою собственную жизнь всѣмъ невгодамъ тернистаго артистическаго пути и упорному, неутомимому труду!

Кто понимаетъ значеніе Мартынова для русскаго искусства и кто вспомнитъ, что этотъ мощный, творческій талантъ не оставилъ по себѣ ничего, кромѣ одного воспоминанія, одного звука его имени, тотъ глубоко почувствуетъ утрату и уронитъ искреннюю, горячую слезу надъ едва остывшимъ прахомъ артиста.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Парижъ 16 (28) августа.

Петербургскимъ любителямъ изящнаго предстоитъ высокое наслажденіе — видѣть игру Ристори, которая, какъ слышно, прибудетъ въ Петербургъ къ октябрю мѣсяцу.

Мнѣ удалось видѣть Ристори только въ двухъ роляхъ ея репертуара, въ «Медеѣ» и «Федрѣ». «Медея», — трехъ-актная трагедія Эрнеста Легюве, переведенная на итальянскій языкъ; Ристори удивительно хороша въ роли *Медес*; ролью этой Рашель пренебрегла, а ея счастливая соперница возсоздала ее во всемъ блескѣ. Трагедія эта соединяетъ въ себѣ всѣ условія трагедіи, она написана изящно, ведена искусно; словомъ; произведеніе художественное.

Ристори выказала въ этой роли свой рѣдкій талантъ и высокое пониманіе человѣческаго сердца и страсти. Отъ начала до конца она держитъ зрителей подъ вліяніемъ своей очаровательной игры, своихъ движеній и превосходной дикціи, которая съ удивительнымъ искусствомъ передаетъ малѣйшія оттѣнки каждой минуты. Въ этой роли она бываетъ то нѣжна, трогательна, то грозна, неумолима, но всегда одинаково прекрасна и вполне выражаетъ мысль поэта.

Роль «Федры» Ристори даетъ характеръ совершенно южный. Извѣстно, что «Федра» была *chef-d'oeuvre* Рашели, она три года изучала эту роль прежде, чѣмъ явилась въ ней во всемъ блескѣ и во всей силѣ своего таланта. Рашель была «Федра» французская, Ристори «Федра» греческая, которая, разъ выйдя изъ границъ сдержанности и скромности, отдается смѣло и рѣшительно страсти. Она изливаетъ наружу весь потокъ такъ долго сдерживаемой страсти. Ристори обладаетъ вполне очарованіемъ дикціи, простотою и энергіею выраженія, къ тому же у нея необыкновенно подвижная фізіономія, отражающая превосходно все, что она говоритъ и даже то, что думаетъ; манеры ея изящны и жестъ необыкновенно выразителенъ.

Зритель, во время представлѣнія, видитъ и слышаетъ лишь одну Ристори; она великолѣпна въ этой роли, какъ будто созданной нарочно для ея удивительнаго трагическаго таланта.

Я поспѣшилъ подѣлиться съ моими соотечественниками впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня великой артисткой и высказать мое общее мнѣніе о ея игрѣ и особенностяхъ ея таланта.

Б. М.—оз.

О НѢКОТОРЫХЪ ЗАБЛУЖДЕНІЯХЪ ВЪ ПРЕПОДАВАНІИ ПѢНІЯ.

I.

Преподаваніе вокализаціи наполнено столькими заблужденіями и старинными предразсудками, такъ сильно въкоренившимися, что они стали закономъ въ дѣлѣ, хотя ни одна изъ этихъ ересей не выдержитъ, не говоря уже ученаго анализа, но даже простаго разбора здраваго смысла.

И конечно удивлю многихъ, когда скажу, что главная ошибка, ошибка, преобладающая надъ всѣми прочими, состоитъ въ томъ, что хорошій пѣвецъ считается за хорошаго преподавателя пѣнія.

Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ, который хорошо поетъ, всегда имѣетъ тѣ данныя, съ которыми можно сдѣлаться хорошимъ профессоромъ; равно, какъ справедливо замѣтить и то, что скрипачъ можетъ быть способенъ преподавать пѣніе, и получить драгоцѣнныя свѣдѣнія по этому предмету. Но обоимъ имъ необходимо отдаться специальному изученію для того, чтобы достигнуть способности преподавать, способность эта есть особѣннѣйшій талантъ и весьма рѣдкій въ наше время, хотя, въ обратномъ смыслѣ учителей очень много. Тѣмъ самымъ, что пѣвецъ на себѣ самомъ испыталъ всѣ препятствія, которыя часто являются въ голосѣ при изученіи пѣнія, ему легче, нежели всякому другому музыканту, пріобрѣсти свѣдѣнія, необходимыя при преподаваніи, но все-таки онъ долженъ много трудиться, чтобы ихъ пріобрѣсти.

Это работа трудная, и она подвергается тысячи заблужденіямъ. Самое худшее изъ этихъ заблужденій, и между тѣмъ самое обыкновенное есть то, которое заставляетъ думать, что для пѣнія можно создать себѣ особенную методу, въ родѣ того, какъ живописецъ создаетъ свой особенный колоритъ. Конечно, пѣвецъ можетъ всегда усвоить себѣ стиль, который будетъ давать его таланту совершенно особенный, ему одному свойственный отпечатокъ, и который удалитъ его отъ всѣхъ заблужденій, доходящихъ часто до странностей. Это уже есть чисто дѣло вкуса. Но самое преподаваніе имѣетъ свои средства дѣйствій, свои законы и преданія, которые, въ особенности для первоначальныхъ уроковъ, т. е. для матеріальнаго развитія органа, для нормальнаго выраженія звука и для механизма, лежатъ на данныхъ физиологическихъ, которыя необходимо хорошо знать.

Въ чѣмъ же заключаются эти данныя? Въ самой природѣ, конечно. Но какъ же ихъ добыть, и кто можетъ руководить новичка въ искусствѣ преподавать? Какъ отыскать эту таинственную цѣль принциповъ, причинъ и слѣдствій, которые въ совокупности составляютъ цѣлую науку, и еще какую науку,

ту, которая заключаетъ въ себѣ, можетъ быть, наибольшее число деталей.

Италія, эта колыбель пѣнія, нашла самое большое число фундаментальныхъ теоретическихъ правилъ, и каждый учитель передалъ ихъ своимъ ученикамъ, съ замѣчаніями и улучшеніями, которыя ему были свойственны. Вотъ традиція, эта святая и драгоцѣнная традиція, которой ученый Крещенти былъ, почти въ наше время, единственный послѣдователь. Я говорю — послѣдній, потому что самые знаменитые изъ его учениковъ, тѣ, отъ которыхъ и я произошелъ, Гара и Гарция, были, по правдѣ сказать, только лишь удивительные практики, но довольно посредственные профессора, въ томъ смыслѣ, что они ограничивались, при механическихъ изученіяхъ, установленіемъ лишь принципа, не заботясь ни мало о изъясненіи его таинственныхъ причинъ.

Слѣдовательно, когда кто хочетъ преподавать съ усѣхомъ, то долженъ напередъ изучать преданія Италіи. А иначе, что же это такое будетъ, если учитель только станетъ говорить своему ученику, голосъ котораго не сформированъ еще, не опредѣленъ, не обработанъ: «дѣлайте какъ я». Вопросъ именно и заключается въ томъ, чтобы знать, что дѣлать, чтобы достигнуть того, чего достигъ тотъ, который хорошо поетъ. Иначе совѣтъ этотъ похожъ на совѣтъ большому «будьте здоровы».

Кромѣ заблужденія, состоящаго въ томъ, что каждый, кто хорошо поетъ, можетъ импровизировать изъ себя преподавателя пѣнія, является еще другое, касающееся голоса.

Есть два разряда голосовъ: къ первому принадлежатъ тѣ голоса, которые или случайно, или изъ подражанія, или руководимые счастливымъ инстинктомъ дошли до возможности дѣйствовать вокальными своими силами болѣе или менѣе нормально. Между таковыми существуютъ до того превосходно надѣленные, какъ будто они были направлены по самымъ точнымъ законамъ физиологій, потому что для голоса есть также свой механизмъ, какъ и для употребленія многихъ другихъ нашихъ органовъ.

Мнѣ нечего говорить, что эти голоса столь богато надѣленные, весьма рѣдки, и что даже число тѣхъ, которые поютъ натурально, какъ бы то ни было дурно ли, хорошо ли, тоже очень ограничено. Относительно другихъ оно, какъ цифра два ко сту, и даже еще менѣе.

Но между такими голосами, которые, повидимому, служатъ лишь для выраженія слова, есть множество и такихъ, которые, съ содѣйствіемъ обработки, могутъ сдѣлаться превосходными органами, гораздо болѣе драгоцѣнными, нежели поющие хорошо отъ природы. Смыслъ послѣднимъ пенужны первые уроки механизма, другимъ же они необходимы.

Между тѣмъ опытъ доказалъ, что голосъ почти каждаго человѣка способенъ къ пѣнію.

Будетъ справедливо замѣтить, что голосъ — это есть весь человѣкъ, т. е. онъ его характеризуетъ и по голосу можно узнать человѣка, не видя его; также надо сказать, что физиологическія изученія, развивая и создавая въ каждомъ человѣкѣ тембръ, который ему свойственъ, могутъ дать этому тембру лишь тотъ размѣръ, ту силу, ту физиономію, которыя ему принадлежатъ; но и то хорошо, что это изученіе даетъ ихъ ему. Въ Италіи это называется — заставить выйти голосъ. Потому что даже въ самой Италіи, этой классической странѣ пѣ-

нія, священніе припципи пѣнія, драгоцѣнныя традиціи преподаванія стремятся, какъ и во Франціи, уступить мѣсто, даже въ публичныхъ школахъ, частнымъ системамъ, которыя одна другой противорѣчатъ, но къ счастью, прихоти моды не успѣють ихъ совершенно убить.

Необходимое упражненіе для пѣкотораго пріобрѣтенія искусства пѣть — есть дѣло осьми или десяти сеансовъ, иногда даже менѣе, но никогда не болѣе. Въ десять сеансовъ, профессоръ, который руководится правилами физиологіи, непременно заставитъ голосъ проявиться и поставить его на нормальную ступень. Тогда являются удивительныя феномены и перерожденія, и тотъ, кто такимъ образомъ правильно пробуетъ свой органъ, подвергается удивительнымъ неожиданностямъ. Иногда, человѣкъ, полагавшій, что у него нѣтъ голоса, а между тѣмъ мучимый непреодолимымъ желаніемъ пѣть, видитъ какъ вдругъ быстро развивается въ немъ сильный органъ, звучный и полный отличныхъ вокальныхъ свойствъ. Бываетъ, что другіе тоже считавшіе себя за теноровъ, потому что имъ удавалось выводить безъ затрудненія пѣкоторыя ноты фальцета, дѣлались при нормальномъ направленіи энергическими баритонами и даже густыми басами.

Одна знаменитая пѣвица (г-жа Евгенія Гарціи), которая въ настоящее время можетъ считаться единственной хорошей преподавательницей, во время своей юности, пѣла на домашнихъ собраніяхъ голосомъ небольшого сопрано, довольно посредственнаго, хотя и пріятнаго, потомъ чрезъ одинъ только пробный сеансъ у нея оказался уже великолѣпный контральто, сдѣлавшійся въ самое короткое время славою театра.

Я привожу этотъ примѣръ потому именно, что имя артистки достаточно громко, чтобы служить авторитетомъ, хотя можно найти сотни подобныхъ примѣровъ.

С. М.

БОМАРШЕ

и

ЕГО СВАДЬБА ФИГАРО.

«Домъ на бульварѣ, въ которомъ жилъ Бомарше отдавъ, теперь подъ соляной магазинъ», говоритъ Берне въ своихъ парижскихъ письмахъ, «параллель не дурна: соль и Бомарше. Бомарше былъ солью своего времени». — Въ этомъ выраженіи много истины. Происходя изъ самаго низкаго класса общества, Бомарше прошелъ почти все слои общественной жизни. По волѣ судьбы, исполнялъ онъ часто въ одно время самыя различныя роли. Часовщикъ, музыкантъ, драматургъ, юмористъ, свѣтскій человѣкъ, придворный, повѣренный, банкиръ, мануфактуристъ, издатель, поставщикъ, посредникъ, тайный агентъ, публицистъ, судья, въ случаѣ необходимости миротворецъ, смотри по обстоятельствамъ, и потомъ опять самый зазорный забіяка, годный на все руки, какъ Фигаро, Бомарше участвовалъ во многихъ переворотахъ, предшествовавшихъ революціи.

Въ этой статьѣ мы будемъ разсматривать только драматическаго писателя и то въ одномъ періодѣ его бурной жизни. Но въ этомъ періодѣ слава Бомарше проявляется въ высшей степени своего блеска; Бомарше имѣетъ сильное вліяніе на общественное мнѣніе: это-то сознаніе счастья и собственнаго достоинства заставили его написать «Свадьбу Фигаро». Если въ прежнихъ драматическихъ произведеніяхъ Бомарше замѣтно только юношеское побужденіе выказаться также писателемъ, то про «Свадьбу Фигаро» можно сказать, что ее писалъ зрѣлый человѣкъ, который въ своей бурной жизни дошелъ до горькаго опыта, что въ его время, умный человѣкъ, предоставленный своимъ собственнымъ средствамъ, можетъ поныться только крытыми и окольными путями. Бомарше хотѣлъ вознаградить себя за безчисленныя оскорбленія, которыя перенесъ прежде, чѣмъ достигъ до значительнаго положенія, возбуждавшаго зависть его враговъ, но которое однако не оградило его отъ ихъ нападеній. Онъ обратилъ свое перо противъ общества и выставилъ его смѣшныя стороны. «Общество, говоритъ Ломени, во время Бомарше дошло до такой степени слабости, что дѣйствительно здравая комедія, которая подобно всемъ комедіямъ, скрываетъ свою цѣль — исправлять нравы, породила новую болѣзнь въ слабомъ тѣлѣ.»

Бомарше не былъ революціонеромъ *ex professo*. Онъ писалъ «Свадьбу Фигаро» не подъ вліяніемъ либеральныхъ мыслей. Онъ самъ былъ миллионеромъ и писалъ, не думая о будущемъ, желая только вмѣстѣ съ мгновеннымъ торжествомъ писателя отомстить своимъ врагамъ, отъ нападенія которыхъ не могли его защитить ни талантъ, ни богатство. «Бомарше, говоритъ далѣе Ломени, считалъ долгомъ такъ поступать. Онъ называлъ себя собратомъ Мольера, нисколько не желая вступать съ нимъ въ состязаніе. Бомарше хотѣлъ забавлять мелкихъ людей на счетъ знатныхъ, забавляя въ тоже время знатныхъ остроумнымъ изображеніемъ того, какъ они употребляютъ во зло свое величіе. На такой смѣлый шагъ могъ рѣшиться только Бомарше, человѣкъ въ высшей степени самолюбивый, никогда не сознающійся въ своихъ ошибкахъ.» Общество съ своей стороны, т. е. та часть его, на которую нападалъ Бомарше, не предчувствовало грозившей ему опасности. Бомарше отзывался о своемъ произведеніи слѣдующимъ образомъ: «Я знаю нѣчто гораздо смѣшнѣе моей комедіи, а именно — ея успѣхъ.»

«Если правительство допускаетъ такія нещадія литературы, говоритъ Жерюзе (въ исторіи фр. лит.) а общество спокойно переноситъ свое поруганіе и находитъ удовольствіе смѣяться надъ своими собственными недостатками, то ясно, что они сами не намѣрены болѣе существовать.» Сужденіе, конечно рѣзкое, но въ настоящее время вовсе непопентъ огромный успѣхъ «Свадьбы Фигаро», хотя произведеніе это и отличается остроуміемъ, сатирическимъ и меткимъ стилемъ.

Бомарше самъ былъ удивленъ громаднымъ успѣхомъ своей комедіи. Сначала, когда его произведеніе какъ бомба просвистало надъ головами, многіе удивлялись, почему оно имѣетъ такой успѣхъ. Они увидѣли, что въ немъ раскрыты раны огромнаго тѣла, называемаго свѣтомъ и такъ какъ люди, разбирающіе подобныя вопросы, почти всегда бываютъ большіе любители скандала, то они сочли не лишнимъ сообщить свое пріятное открытіе короткимъ друзьямъ. Другая часть общества 1783 г. не считала себя въ числѣ большихъ и не примѣняла къ себѣ щелчки и удары комедіи. Эта часть общества, подобно чахоточнымъ не вѣрила въ свое разрушеніе. «Общество, гово-

рить Ломеи, считало себя довольно сильнымъ, чтобъ идти противъ сатирической комедіи и выслушивало тонкіе намеки Фигаро съ тѣмъ величавымъ спокойствіемъ, съ какимъ въ средніе вѣка короли и вельможи внимали сарказмамъ своихъ шутовъ.» Мирабо (отецъ) однако говоритъ: «мурки до тѣхъ поръ будутъ продолжаться, пока не кончатся общимъ кувырканіемъ.» Онъ подражывалъ тутъ сцену, на которой долженъ былъ появиться этотъ опасный бѣглый огонь. Послѣ неуспѣшныхъ стараній удалось человѣку заклеймить свѣтъ словами, которые, облеченные въ форму шутокъ, никому не показались оскорбительными. Тогда только поняли всю силу и значеніе сцены. Но когда комедіи появилась на театральныхъ подмосткахъ, было уже поздно; всякое сопротивленіе оказалось бесполезно.

Бомарше рѣшился во что бы то ни стало добиться исполненія на сценѣ своей комедіи. Какимъ образомъ онъ успѣлъ послѣ продолжительныхъ усилій достигъ своей цѣли, помимо всѣхъ своихъ враговъ и даже высшихъ авторитетовъ, читатели сейчасъ узнаютъ.

Бомарше только что окончилъ огромное изданіе сочиненій Вольтера, когда ему пришла мысль написать «Свадьбу Фигаро». Изъ дѣловаго человѣка Бомарше преобразился въ писателя «Fermions le tiroir de cette affaire», сказалъ Бомарше, оставивъ прежнее занятіе и принимаясь за новое.

Комедія Бомарше появилась въ первый разъ на сценѣ въ 1784 г., хотя первое представленіе ея было уже назначено въ 1781 г. Актеры французскаго театра (Théâtre Français) читали ее въ обществѣ собранія. Скорому принятію новой комедіи много способствовалъ большой успѣхъ «Семейскаго цирюльника», который уже пять лѣтъ тому назадъ доставилъ кассѣ значительные сборы. Кромѣ того, Бомарше сдѣлался современнымъ львомъ. Его знаменитый процессъ съ Гецманомъ, различныя предпріятія, неутомимая дѣятельность и особенно его мемуары, написанные очень замысловато, расположили къ нему публику и уменьшили толпу его враговъ, хотя послѣдніе не переставали усердно дѣйствовать противъ него и вредить ему чѣмъ понало. Такъ напримѣръ, въ одно утро, къ возмущенной на афишахъ комедіи Бомарше: «Les deux amis», вмѣсто имени автора прибавлено примѣчаніе: «pièce en 5 actes, par un auteur qui n'en a aucun.» — Не смотря на козни враговъ Бомарше, дирекція французскаго театра съ радостью приняла «Свадьбу Фигаро», въ полной увѣренности что при большомъ скандалѣ, она значительно выиграетъ въ денежномъ отношеніи. Противники Бомарше употребили всевозможныя мѣры, чтобъ помѣшать исполненію комедіи. Въ главѣ ихъ стоялъ главный хранитель королевской печати Миромениль. Честолюбивый авторъ всѣми силами старался выхлопотать позволеніе для постановки на сцену своей комедіи. Наконецъ ему удалось подъ рукою познакомить публику съ своимъ произведеніемъ. Совершенно непонятнымъ образомъ появилось въ Парижѣ множество манускриптовъ «Свадьбы Фигаро», и каждое образованное общество, каждый литературный кругъ долженъ былъ прочесть комедію Бомарше. Не проходило дня, говоритъ г-жа Кампанъ, чтобъ не пришлось услышать: «Я былъ вчера на чтеніи «Свадьбы Фигаро», или: «Сегодня вечеромъ я услышу «Свадьбу Фигаро». Даже король слышалъ иногда, выходя изъ кареты, какъ придворные громко говорили между собой: «Вечеромъ мы увидимся при чтеніи «Свадьбы Фигаро».

Возрастающая ярость оппозиціи, покорившей себя въ по-

литическомъ отношеніи почти всѣхъ умы, нашла новую пищу злословію въ запрещеніи комедіи. Громко повторяли всюду фразу Фигаро: «только узкіе умы боятся мелкихъ писателей.» Всѣ газеты и журналы закинули запросами и злобными выходками. При дворѣ образовались даже двѣ партіи за и противъ представленія пьесы. Главными противниками были Миромениль и академикъ Суардъ; оба возстановили короля противъ автора. Людовикъ, отъ природы кроткій, невольно долженъ былъ ужаснуться такого человѣка какъ Бомарше. Къ тому же Суардъ былъ закоснѣлый педантъ и приверженецъ традиціи академіи, какже онъ могъ покровительствовать сочиненію, въ которомъ всѣ правила необходимыя при составленіи драмы были нарушены? Противниками этой партіи хотя небольшой, но рѣшительной, были придворныя, остроумнѣйшія дамы и наконецъ весь Парижъ.

Особенно г. Бретейль выказывалъ свое расположеніе къ автору; г-жа Полинъякъ собирала голоса въ своемъ салонѣ, графъ д'Артуа и г. Водрейль слѣдовали ея примѣру. Принцесса Ламбаль надѣдала королевѣ своими просьбами и куда только Бомарше не показывался, вездѣ ему приходилось вынимать свой манускриптъ изъ кармана.

Наконецъ Людовикъ XVI, подстрекаемый со всѣхъ сторонъ друзьями Бомарше, самъ полюбостествовалъ познакомиться съ произведеніемъ, взволновавшимъ всѣ умы въ Парижѣ. Г-жа Кампанъ получила приглашеніе отъ Маріи-Антуанеты прѣхать во дворецъ въ три часа пополудни. — «Когда я вошла въ кабинетъ ея величества, рассказываетъ г-жа Кампанъ, королева сидѣла одна съ королемъ у маленькаго столика, на которомъ лежали разныя рукописи. Я желаю, чтобъ вы прочли намъ комедію Бомарше, сказалъ король. Многія мѣста въ ней, какъ я замѣтилъ, перелистывая, должны быть вычеркнуты, но я хочу, чтобъ королева познакомилась съ произведеніемъ во всей его цѣлости. Не говорите никому, что вы читали намъ эту комедію.» Я начала. Король часто прерывалъ меня то бранью, то похвалами. Вдругъ онъ вскричалъ: «какой испорченный вкусъ; этотъ человѣкъ хочетъ воскресить итальянскія *Concetti*.» Когда я дошла до монолога Фигаро, въ которомъ онъ нападаетъ на разныя части правительства, особенно въ знаменитой фразѣ, гдѣ говорится о государственныхъ тюрьмахъ, король быстро вскочилъ и вскричалъ: отвратительно! Эта пьеса никогда не должна явиться на сценѣ. Если допустить ея исполненіе, то придется уничтожить бастилію, иначе выйдетъ опасное противорѣчіе. Этотъ человѣкъ осмѣиваетъ все, что должно уважать въ государственномъ правленіи.

— Такъ комедія не будетъ представлена? спросила королева.

— Ни подъ какимъ видомъ, возразилъ король. даю вамъ въ этомъ слово.

Если прежде съ жадностью ловили каждый случай короче познакомиться съ комедіей Бомарше, то желаніе это увеличилось вдвое, когда узнали, что самъ король читалъ пьесу и отослалъ ее въ ценсурный комитетъ съ примѣчаніемъ, что никогда не допустить исполненіе ея на сценѣ. Тогда Бомарше послѣдовалъ отлично придуманной тактикѣ. Какъ говорено уже выше, онъ и друзья его пустили по городу множество экземпляровъ комедіи; кромѣ того, Бомарше самъ читалъ свадьбу Фигаро въ нѣкоторыхъ маленькихъ кружкахъ. Потомъ онъ сталъ притворно удивляться, что комедія его сдѣлалась такъ

извѣстна. Въ одномъ письмѣ къ Брешейю, онъ жалуется на нескромность ценсоровъ, которые тайно отъ него познакомили публику съ его произведеніемъ, между тѣмъ какъ онъ полагалъ по этой причинѣ въ немыслимъ при дворѣ. Разболтала ли г-жа Кампанъ о чтеніи въ кабинетѣ королевы, или король повторилъ свое запрещеніе, неизвѣстно, только Бомарше съ тѣхъ поръ на всѣ просьбы о прочтеніи его комедіи, отвѣчалъ весьма разсчитливо: «я ни за что не хочу пустить въ свѣтъ комедію, которая до такой степени заслужила неодобреніе его величества, что король называетъ ее *отрапительной*».

Хитрость удалась. Бомарше снова стали осаждать просьбами. Принцесса Ламбаль прислала одного изъ знатнѣйшихъ придворныхъ, герцога Фронсака къ Бомарше съ просьбой прочесть комедію въ его домѣ.

Герцогъ былъ сынъ знаменитаго маршала Ришелье, но не наследовалъ ума и познаній своего отца. Желая показаться умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, герцогъ обрадовался случаю короче познакомиться съ писателемъ, который сказалъ, «что только узкіе умы боятся мелкихъ писателей». Герцогъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ прослыть великимъ умомъ. Бомарше однако не принялъ герцога и получилъ, вслѣдствіе того отъ него записку; фотографія ея вполне характеризуетъ писавшаго:

«Vous m'avez fait fermer votre porte hier, Monsieur, et cela n'est pas trop bien; mais je n'en gârederai pourtant pas assez de rancune pour ne pas vous parler de la négociation dont je suis chargé vis à vis de vous par M-me la princesse de Lambal qui aurait grande envie d'entendre le mariage de figaro dont on lui a fait les plus grands eloges ainsi qu'à moi: Venez chez moi. Je vous donnerai à diner, et ensuite nous irions chez elle à Versailles. Je suis enchantée que la paix soit rétablie avec la comédie et vous prie de me mander si vous acceptez ma proposition. Adieu vous connaissez les sentimens avec les quels je serai toujours Monsieur votre très humble serviteur,

le duc de Fronsac.»

Точно такая же вторая записка служить доказательствомъ, что Бомарше въ другой разъ заперъ свою дверь передъ носомъ посланнаго. Такъ неумолимъ остался писатель до весны 1782 г. Въ то время пріѣхалъ въ Парижъ Россійскій Императоръ Павелъ I (тогда еще великій князь), путешествовавшій съ своей супругой подъ именемъ графа Сѣвернаго. Августѣйшіе путешественники изъявили желаніе познакомиться съ произведеніемъ, взволновавшимъ весь Парижъ. Баронъ Гриммъ, извѣстный своей дружбой съ энциклопедистами, просилъ Бомарше прочесть комедію высокимъ пріѣзжимъ. Для Бомарше это приказаніе было удобнымъ случаемъ выхлопотать позволеніе къ представленію своего произведенія. Онъ прочелъ свою комедію въ присутствіи императора и императрицы, и удостоился самыхъ громкихъ похвалъ. Бомарше весьма учтиво просилъ главнаго хранителя королевской печати допустить его комедію въ цензуру, объявивъ, что великій князь Россійскій желаетъ послать одинъ экземпляръ «Свадьбы Фигаро» Императрицѣ Екатеринѣ II, но онъ не можетъ исполнить воли Его Высочества до тѣхъ поръ, пока не состоится исполненіе комедіи. Послѣ послѣдняго просмотра цензуры, Бомарше сдѣлалъ нѣкоторые измѣненія въ своемъ произведеніи. Миромениль

ничего не отвѣтилъ на просьбу Бомарше. Послѣдній отиравился къ начальнику полиціи, но тотъ поступилъ съ Бомарше также какъ авторъ Фигаро съ герцогомъ Фронсакомъ, т. е. захлопнулъ передъ его носомъ дверь своего дома.

Наступилъ конецъ 1782 г. Бомарше, предпринявшій въ одно время двадцать различныхъ занятій, предоставилъ исполненіе своей комедіи болѣе благоприятному случаю.

Вдругъ, совершенно неожиданно, дирекція Французскаго театра получила приказъ приготовиться къ представленію «Свадьбы Фигаро». Пьесу назначено было играть въ Версаль. Въ архивѣ Французскаго театра находится бумаги, по которымъ должно полагать, что исполненіе комедіи Бомарше въ день именинъ графа д'Артуа было дѣйствительно назначено на сценѣ Версальскаго театра. Согласіе на представленіе пьесы было принято какъ вѣсть о выигранномъ сраженіи. Въ день, и особенно въ часъ представленія, тѣснота была ужасная. Экипажи съ величайшимъ трудомъ могли пробраться сквозь многочисленныя толпы. Наконецъ наступила пора поднимать занавѣсъ. Но тутъ, какъ молнія, явился вдругъ приказъ отъ г. Виллике, увѣдомлявшій зрителей именемъ короля, что его величество строжайше запрещаетъ всѣмъ актерамъ играть «Свадьбу Фигаро» въ какомъ бы то ни было мѣстѣ Франціи. Толпы зрителей съ громкимъ крикомъ оставили залу.

Бомарше былъ въ себя. Дрожа отъ бѣшенства вскочилъ онъ на кресла и вскричалъ: «Eh bien, Messieurs, il ne veut pas qu'on la représente ici, et j'espère moi, qu'elle sera jouée peut être dans le chœur même de Notre Dame.» Ломени сомнѣвался въ истинѣ этого порыва, но зная горячую натуру автора, можно было повѣрить такой выходкѣ. Что побудило короля взять назадъ свое позволеніе, остается до сихъ поръ необъяснимымъ. Самъ Бомарше никогда не узналъ причины этого вторичнаго запрещенія. Злополучная *свадьба* снова разгорячила всѣ умы. Бомарше, собиравшій уѣхать въ Англію, получилъ 4-го сентября 1783 г. письмо отъ герцога Фронсака, въ которомъ тотъ просилъ позволенія у Бомарше представить его комедію въ загородномъ домѣ г. Водрейля, Женевилье. Бомарше однако долженъ былъ спѣшить по дѣламъ въ Лондонъ. Герцогъ Фронсакъ на той же недѣлѣ написалъ второе письмо къ г. де ля Ферте, интересное по своему началу:

«Depuis ma lettre écrite, mon cher la Ferté la reine m'a dit que le roi consentait à ce que le Mariage de Figaro fut joué à Gennevilliers vers le 18-me; aussi je prie de dire à des Entelles de faire tous les arrangements en consequence. Si Beaumarchais n'est pas à Paris, il faut lui envoyer un courrier, quelque part qu'il est en prévenir les comédiens en faisant le moins de bruit possible... etc. etc.

Изъ этого письма видно, что Марія Антуанета не питала такого отвращенія къ автору и его произведенію, какъ это полагали при дворѣ и въ особенности г-жа Кампанъ.

По пріѣздѣ въ Англію, Бомарше былъ тотчасъ же отозванъ курьеромъ въ Парижъ и немедленно туда возвратился. Всѣ спѣшили къ нему на встрѣчу. Король наконецъ убѣдился въ необходимости не лишиться, по крайней мѣрѣ, дворъ въ наслажденіи видѣть комедію на сценѣ. «Такъ сильно слѣпцы горѣли желаніемъ видѣть себя осмѣянными, говоритъ Ломени».

По приѣздѣ своемъ въ Парижъ Бомарше энергически потребовалъ новую цензуру. Только съ этимъ условіемъ согласился онъ на представленіе своей комедіи и для большей увѣренности выпросилъ себѣ самаго строгаго цензора, Гальера, историка при французской академіи. «Онъ хотѣлъ явиться безукоризненнымъ передъ дворомъ.»

Г. Гальеръ не нашелъ ничего вычеркнуть изъ комедіи, кроме слова *Ministre* и одного мѣста, въ которомъ есть намекъ на судъ Саломона. Его окончательное рѣшеніе, поданное имъ въ полицію заключало въ себѣ слѣдующее:

«Я нахожу, что комедія очень хорошо написана. Дѣйствующія лица говорятъ въ ней сообразно своему званію. Полагаю, что произведеніе Бомарше можетъ привлечь много зрителей во Французскую Комедію и доставить большіе сборы, въ чемъ театръ весьма нуждается.»

Но самолюбивый Бомарше не удовольствовался этимъ одобрительнымъ рѣшеніемъ, онъ настоялъ не томъ, чтобъ имѣть въ рукахъ рѣшенія и прочихъ цензоровъ и получилъ самые выгодные отзывы отъ Кокелея и Брета. Теперь Бомарше имѣлъ полное право на публичное представленіе своей комедіи, но какъ умный человѣкъ, дѣйствовалъ осторожно и позволилъ сначала представить свою комедію на частномъ театрѣ въ Женевилье.

На это представленіе собралась высшая аристократія въ домъ Водрейля. Сама королева обѣщала пріѣхать въ спектакль, но по недорозумѣю должна была отказаться отъ своего слова. Можно себѣ представить досаду раздражительнаго Бомарше; въ доказательство приведемъ слѣдующій фактъ: въ пенмювъ-но наполненной залѣ многія дамы стали жаловаться на тропическій жаръ. Бомарше тотчасъ же вырвалъ у одного зрителя изъ рукъ трость и разбилъ ею въдребезги окно, выходившее въ паркъ *). Представленіе прошло отлично. Конечно, между зрителями нашлись люди, которые не могли отдать себѣ отчета въ томъ, что видѣли; другіе качали головами, находя нѣкоторымъ мѣста слишкомъ сильными, но общимъ голосомъ было признано, что «Свадьба Фигаро», въ высшей степени остроумное, колкое произведеніе и доставило зрителямъ большое наслажденіе.

Король, узнавъ объ огромномъ успѣхѣ комедіи во всѣхъ кругахъ общества, сказалъ Мироменилю: вы доживете до того, что Бомарше надъ нами обоими восторжествуетъ.

Послѣ частнаго представленія въ Женевилье, Бомарше сталъ неустанно хлопотать о публичномъ представленіи своей комедіи на сценѣ Французскаго театра.

Одолѣвъ притѣсненія цензуры, оставалось еще покончить съ полиціей. Полиція сочла необходимымъ запретить нѣкоторыя фразы, и вновь отослала пьесу цензору короля Дефонте-ну, который самъ былъ писатель и по предположенію начальника полиціи непременно долженъ былъ представить неблагопріятный отзывъ о своемъ соперникѣ. Дефонтеъ объявилъ: я прочиталъ пьесу четыре раза съ величайшимъ вниманіемъ; хотя цензоръ и обязанъ охранять нравственность, но осмѣяніе людскихъ слабостей, пороковъ и глупостей имѣютъ всегда

благотворное вліяніе на народъ. Живымъ примѣромъ тому служить Мольеръ. Я не нахожу никакого препятствія къ представленію пьесы. Про одно мѣсто въ комедіи, означенное полиціей, какъ особенно опасное, Дефонтеъ пишетъ: *Mot unique impossible à réplir et que je laisse,*

Какъ было бороться съ человѣкомъ, который побѣдилъ пять цензоровъ и адвокатовъ, имѣлъ на своей сторонѣ г. Водрейля, герцога Фронсака, принца нассаускаго и весь Парижъ, вскружилъ голову всей придворной молодежи обоего пола, и произведеніемъ своимъ восхитилъ актеровъ, надѣявшихся на блестящіе успѣхи?

Иные полагаютъ, что враги или друзья Бомарше увѣрили короля, что пьеса упадетъ съ перваго представленія и вслѣдствіе того, 27-го марта 1784 г. Бомарше получилъ наконецъ позволеніе представить свою пьесу на сценѣ Французскаго театра. Вечеромъ въ день перваго представленія король спросилъ Монтескье, который собирался во Французскій театръ:

- Какъ вы думаете, будетъ успѣхъ?
- Надѣюсь, ваше величество, что пьеса упадетъ.
- Я также этого ожидаю, отвѣчалъ король.

Когда всѣ препятствія устранились, Бомарше сталъ торопить представленіемъ комедіи. Прежде всего онъ написалъ къ своему другу, знаменитому актеру Превиллю, для котораго назначалъ роль Фигаро.

Вотъ слово въ слово это характеристическое письмо:

«Nous nous sommes trompés tous les deux, mon, vieil ami. Je tremblais, que vous ne quittassiez le théâtre à Pâques, et vous, vous étiez dans l'opinion que le Mariage de Figaro ne pourrait pas se jouer.

«Mais il ne faut jamais desesperer de garder un acteur que le public adore; ni de voir vaincre un auteur courageux qui croit avoir raison et que l'on ne dégoûte pas par les desgouts. J'ai, mon vieil ami, le bon du roi, le bon du ministre, le bon du lieutenant de Police, il ne nous manque plus que le votre, pour voir, un beau tapage à la rentrée. Allons, mon ami! c'est bien peu de chose que ma pièce; mais la voir au théâtre est le fruit de quatre ans de combats; voila ce qui m'y attache. Quel mal ils ont fait ces méchants! Deux ans plutot, mon ami Prévillе aurait assuré le succès de mes cinq actes: aujourd'hui le charme qu'il reprendra sur un moindre role fera bien regretter qu'il ne joue pas le premier. a) On me conseille l'étude et la prépetition sans éclat et nous sommes convenus d'agir, mais sans rien dire. Dazincourt et Laporte se sont chargés décrire à tout le monde en recommandant le silence, a fin que notre bonne fortune ne finisse pas encore une fois par en devenir une de capucin. Je vous salue, vous honore et vous aime.

Beaumarchais.»

Чтобъ понять мѣсто, означенное въ письмѣ буквой *a*, надобно знать, что Превиль отказался отъ роли Фигаро по своимъ преклоннымъ лѣтамъ и уступилъ ее Дазенкуру; но желая своимъ участіемъ помочь успѣху пьесы, занялъ роль Бридуазона.

27-го апрѣля 1784 г. наступилъ давно ожидаемый день. Весь Парижъ былъ на ногахъ. Понасть во Французскій театръ надобно было съ опасностью жизни. Едва только отворили двери, какъ въ одну минуту театръ наполнился до нелзя. Толпы стояли предъ театромъ съ семи часовъ утра и штурмомъ

*) Писанный статью слышалъ этотъ анекдотъ отъ одного зна- чительнаго лица, бывшаго очевидцемъ описанной сцены.

занили мѣста, не обращая вниманія на билеты, между тѣмъ какъ взявшіе эти билеты напрасно кричали, что не могутъ пробраться черезъ неизмѣрную толпу къ своимъ мѣстамъ. Деньги бросали въ кассу, не получая билетовъ. Въ этой движущейся массѣ можно было видѣть самыя разнообразныя одежды и всѣ возрасты. Сановники съ орденами сталкивались съ савоярами. Въ театральныя сѣни были выломлены всѣ желѣзныя рѣшетки, три человѣка задохлись въ толпѣ. Слѣдующая замѣтка заключаетъ описаніе этого притока людей:

«Вѣроятно сегодня г. Бомарше, такъ сильно любящій скандалы всѣхъ родовъ, былъ вполне удовлетворенъ. Въ его свѣтъ были нынче не только его обыкновенные почитатели и любопытные, но даже принцы крови и члены королевской фамиліи; впродолженіе одного часа онъ получилъ 40 писемъ отъ различныхъ лицъ, просившихъ билетовъ на первое представленіе, обѣщая заступитъ мѣсто хлопальщиковъ (*claqueurs*); герцогиня бургонская послала своихъ лакеевъ съ 11-ти часовъ къ театру ожидать раздачи билетовъ, назначенной въ 4 часа; рыцари св. ордена толпились между простымъ народомъ, чтобы получить билеты; знатныя дамы, забывъ свой санъ и чувство приличія, забирались съ утра въ ложу актрисъ и приказывали принести туда свой обѣдъ, надѣясь получить хорошія мѣста при покровительствѣ театральныя дамъ; часовые были прогнаны, двери и даже желѣзныя рѣшетки выломлены, ничто не могло сопротивляться этому страшному напору людей и т. д....»

Еще до поднятія завѣса произошло разныя скандальныя сцены. Каждое значительное лицо, входившее въ свою ложу, публика встрѣчала рукоплесканіями. Такъ, напримѣръ, страшно шумѣли и аплодировали, когда показался въ своей ложѣ знаменитый морской герой Баллей де Сюфренъ, и въ слѣдъ за тѣмъ также восторженно встрѣтили актрису Дюгазонъ, занявшую мѣсто на авансценѣ. Впродолженіе представленія раздавались нѣсколько разъ свистки, но нарушителей порядка скоро уняли и восторгъ зрителей дошелъ до бѣшенства. Бомарше сидѣлъ въ ложѣ съ рѣшеткой, между двумя аббатами, съ которыми обѣдалъ, чтобы въ случаѣ смерти, какъ говорилъ онъ, воспользоваться ихъ духовною помощію. Въ заключеніе вызвали автора и при потрясающихъ рукоплесканіяхъ и общемъ ликованіи, въ которомъ, какъ пишетъ Бономанъ, было даже, что то угрожающее, опустился завѣсъ. Пьесу дали пять дней сряду. На пятый день ожидала Бомарше новая печальность. Въ ту минуту какъ завѣсъ долженъ былъ подняться, посыпались изъ третьяго яруса ложъ и съ люстры сотни бумажекъ, на которыхъ была напечатана самая злобная эпитафия, появлявшаяся уже послѣ перваго представленія. Публика стала рваться за этими бумажками, которые, какъ увѣряютъ, Бомарше самъ велѣлъ пустить по залѣ, чтобы выставить себя мученикомъ.

Комедія Бомарше была сыграна 68 разъ разъ сряду. Сборъ съ перваго представленія оказался въ 5511 ливровъ, съ 86-го — 6583 ливра.

Съ 27-го апрѣля 1784 г. по 10-е января 1785 г. пьеса доставила Французскому театру полнаго сбора 346,197 ливровъ; за вычетомъ издержекъ, на долю актеровъ осталось 293,755 ливровъ, кромѣ авторской части Бомарше, которая простиралась до 41,499 ливровъ. Исполненіе и постановка пьесы были превосходны; роли распредѣлены слѣдующимъ образомъ: графъ Альмавива — Моле; графиня — д-ца Сен-Валь; Сусанна — д-ца Конта; Херубинъ — д-ца Оливье; Фигаро — Дазенкуръ; Бридуазонъ — Превиль, котораго послѣ третьяго

представленія замѣнилъ Дюгазонъ; Бартоло — Дезссаръ; Базиль — Банговъ; Антонио — Бельмонтъ; знаменитый трагикъ Ларивъ съ трудомъ выпросилъ себѣ маленькую роль Гриннъ-Солейя (*Grippe-Soleil*):

Надобно было полагать, что послѣ такого значительнаго успѣха враги Бомарше оставятъ его въ покоѣ — ничуть ни бывало. Не только пьеса подверглась самой непріязненной критикѣ, но старались унижить личность самаго автора. Пятидесятое представленіе «Свадьбы Фигаро», Бомарше назначилъ въ пользу благотворительнаго заведенія, извѣстнаго всему Парижу, института для бѣдныхъ кормилицъ. Только что это извѣстіе распространилось по городу, какъ появилось слѣдующее четверостишіе:

De Beaumarchais admire la souplesse
En bien, en mal son triomphe est complet;
A l'enfance il donne du lait
Et du poison à la jeunesse.

Раздраженный насмѣшками своихъ враговъ, Бомарше написалъ письмо къ редактору *Journal de Paris*, которое окончилъ слѣдующими словами:

«Не думаете ли вы, что я, побѣдившій львовъ и тигровъ для представленія моей комедіи, буду пужаться какъ какая-нибудь голландская кухарка, въ прутѣ, чтобы истребить маленькихъ почныхъ гадовъ?» Этой фразой обидѣлся академикъ Суардъ, который, по своему крошечному безобразному росту, могъ принять на себя выраженіе: *маленькій почный гадъ*. Онъ поджегъ графа Прованскаго, который, въ свою очередь, навелъ на мысль короля, что Бомарше хотѣлъ выставить Людовика XVI передъ народомъ подъ именемъ тигра. Сравнить кроткаго короля съ тигромъ была бы жестокость, о которой Бомарше и не думать. Но Людовикъ и прежде уже предубѣжденный противъ писателя и еще болѣе противъ его успѣховъ, повѣрилъ наговору. Сидя за вѣстомъ, король подписалъ приказъ о заключеніи Бомарше въ тюрьму, на повашейся подъ руку семеркѣ инкъ. Чтобы еще болѣе унижить Бомарше, его посадили не въ обыкновенную тюрьму, а заперли въ исправительный домъ св. Лазаря, учрежденный для наказанія мальчиковъ и юношей. Сначала смѣялись надъ этимъ заточеніемъ, но скоро общее негодованіе стало очень громко обнаруживаться. Начали роптать противъ насилія и тотчасъ же появились язвительныя эпитаграммы. На пятый день Бомарше былъ выпущенъ изъ своего гнуснаго заточенія. Вечеромъ, на театрѣ давали «Свадьбу Фигаро»; многіе министры присутствовали на представленіи: оглушительныя рукоплесканія раздались при фразѣ: *Ne pouvant avilir l'esprit on se venge en le maltraitant*.

На другой день Калонъ написалъ къ Бомарше, что король не лишаетъ его своей милости. Чтобы удовлетворить оскорбленное самолюбіе автора, Людовикъ XVI приказалъ исполнить на Трианонскомъ театрѣ «Севильскаго цирюльника: королева занимала роль Розины; графъ д'Артуа — Фигаро; Водрейль — графа Альмавивы. Это было самое блестящее удовлетвореніе для Бомарше. Здѣсь мы окончимъ разсказанный нами эпизодъ изъ бурной, трудной и перемѣнчивой жизни человѣка, подъ портретомъ котораго очень справедливо стоитъ вмѣсто подписи и факсимиле, любимый девизъ знаменитаго писателя: «*Ma vie est un combat!*» (Жизнь моя — битва!)

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. СТЕЛЛОВСКАГО

въ С. ПЕТЕРБУРГѢ, въ Большой Морской, въ домъ Лауферта, № 27.

ПРОДАЮТСЯ:

ПОЛНАЯ ШКОЛА ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО

Ф. ГЮНТЕНА,

на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Восьмое изданіе, исправленное и дополненное многими упражненіями, этюдами и пьесами изъ любимыхъ оперъ: Жизнь за царя М. Глинки. — Трубадуръ Верди. — Марта Флотова, и романсовъ: Ты для меня душа и сила П. Булахова. — Гусли мои гусли Н. Титова и другихъ въ двѣ и четыре руки, съ присовокупленіемъ полной клавиатуры, по которой начинающій учиться на фортепьяно ясно видитъ, гдѣ и на какихъ именно клавишахъ извлекаются всѣ тоны. Изданіе это, дополненное произведеніями русской музыки, не должно быть смѣшivano съ прочими изданіями школы Гюнтена, заключающими въ себѣ одну только нѣмецкую музыку. — 3 р. 50 к.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО ВЪ ДВѢ РУКИ:

Ascher, J. Les clochettes. Etude de salon, op. 48. — 85 с.	Chopin, F. Polonaise, op. 71 № 2 75 с.
Beyer, F. Petite fantaisie sur l'opéra: Le Pardon de Ploërmel, op. 36 № 94 — 40	» » Six romances polonaises, № 1 Мечты мо- лодой дѣвушки; № 2 Весна; № 3 Пер- стенечикъ; № 4 пиръ; № 5 Моя радость; № 6 Возвращеніе на родину op. 74 1 50
» » Guillaume Tell de Rossini — 85	Dreyschock, A. Saltarelle. Pièce de concert, op. 43, nouvelle édition 75
» » Robin des bois (Der Freyschutz) de C. M. de Weber — 85	
Chopin, F. Polonaise, op. 71 № 1 — 75	

КАМАРИНСКАЯ,

фантазія для оркестра, на темы двухъ русскихъ пѣсень: свадебной и плясовой,

СОЧИНЕНІЕ

М. И. ГЛИНКИ.

Новое изданіе въ партитурѣ для полного оркестра 3 р. сер.

Въ ономъ же магазинѣ можно получить *Камаринскую*, аранжированную для фортепьяно въ двѣ руки по 1 р. сер. и въ четыре руки по 1 р. 15 к. сер. за экземпляръ.

ПОРТРЕТЪ А. Е. МАРТЫНОВА,

отлично литографированный и весьма похожій, продается по 50 к., а съ пересылкою по 1 р. сер. за экземпляръ.

Требованія гг. иногородныхъ исполняются съ первою почтою.

Печатать дозволяется. С. Петербургъ, 20 августа 1860 года. Цензоръ А. Ярославовъ.

Въ типографіи В. Стелловскаго.

Издатель В. Стелловскій.